

По трапу на борт среднего рыболовного траулера «Альтаир» поднялись четверо. Парень со спортивной сумкой через плечо сразу чем-то не понравился радисту Сергею Казбекову. «Маркони» не любил людей, которые слишком уверены в себе, как этот стилига в очках-«хамелеонах», оказавшийся на палубе первым. В Гаване СРТР «Альтаир» из Калининграда ждали давно. Но январская Атлантика показала свой «женский» нрав. Целый месяц, день за днём, траулер преодолевал один океанский вал за другим. К концу перехода из Калининграда он покрылся серым налётом морской соли. Как говорили в штурманской рубке, средняя скорость судна выходила не более 6 узлов. Поэтому к пирсу Гаваны СРТМ «Альтаир» подошёл на десять суток позже условленного срока.

Здесь их ожидал сюрприз. Экипаж получил неожиданное подкрепление для проведения советско-кубинской экспедиции в открытом океане. Сразу вслед за этим франтом в тёмных очках радист Казбеков увидел поднимающуюся на борт женщину, как говорят, бальзаковского возраста. Сразу было видно, что по характеру она – дама вполне контактная. На ней были светлые шорты и рубашка сафари. Кубинка подошла к стоявшим на палубе членам экипажа, каждому подала мягкую шоколадную руку. Когда следующей появилась девушка, худенькая, как тростинка, то тридцать пар мужских глаз привели её в страшное смущение. Было видно, что у неё было одно желание – быстрее проскочить по трапу и присоединиться к старшей коллеге. Последней шла молодая стройная женщина, как и парень-франт, в солнцезащитных очках. В шортах цвета хаки и красной рубашке, она сохранила фигуру подростка. Её возраст не угадывался, глаза скрывались за тёмными стёклами, смуглая кожа казалась шёлковой.

Наверху, в рулевой рубке у лобовых иллюминаторов, заняли свою излюбленную позицию старпом Петрович – бывший капитан, погоревший из-за частого появления на командном мостике «под бахусом» – и акустик Васильич, отставной майор авиации. Он, выйдя на военную пенсию, смотрелся молодцом. Поэтому решил сходить в море, чтобы поглядеть, пока врачи не возражают, какое оно – море с палубы.

Для своих лет Васильич был мужиком чересчур непосредственным, сразу став объектом для матросских розыгрышей. Первый раз он попался на удочку, когда его подняли в шесть утра. Мол, давай, отец, быстрее одевайся, а то не успеешь, о чём потом страшно пожалеешь. Васильич, как был в семейных трусах, так и выскочил на палубу – экваторные столбы смотреть. Минут десять в горизонт вглядывался из-под руки, пока не услышал дикий хохот за крылом капитанского мостика. Другой бы разозлился, а он только добродушно рукой махнул, когда понял, что его разыграли.

Сейчас с самого утра старпом Петрович рвал и метал, узнав, что экипаж облагородили: «Три бабы на судне! Да что же это делается, едрит твою контору мать! Чем они там в «главке» думают?! Как пить дать, плакала наша премия...»

Васильич поддакивал: «Да, оно с мужиками, конечно, Олег Петрович, проще было бы, а тут, как ни крути, и до греха недолго». На переходе акустик красовался в шортах, которые сам выкроил из рабочих брюк. Эти шорты вызвали очередную волну шуток в адрес Васильича, но со временем страсти улеглись. А теперь, считай, для него всё начинается по новой. В таком «галифе» при женщинах появиться будет непросто.

В этот момент в рубку зашел боцман Андрей. Всем своим видом он показывал, что теперь и у него дел прибавилось, что с бабами-кубинками хлопот не оберёшься. Хотя в душе он веселился – ему-то, двадцатилетнему, чего протестовать против такого приятного разнообразия в жизни? Но, как боцман, он внешне выражал полную солидарность со старпомом – своим непосредственным начальником. Андрей явился на капитанский мостик из своей каюты, где успел развести мыльной пены и тщательно подравнять усы и бородку. Вдобавок он нацедил полную ладонь одеколона «Фараон» и освежился. Бдительный старпом моментально учуял лишний запах на капитанском мостике и нахмурился ещё больше.

Через полчаса в кают-компанию собрался экипаж в полном составе. Первым выступил Окунев, представитель министерства рыбного хозяйства СССР. Он выразил надежду, что очередная советско-кубинская экспедиция выполнит поставленную задачу, а затем поочередно представил кубинских специалистов. Главная из них была сеньора Мар Хуарес, для которой такие экспедиции стали привычным делом. Теперь она, успев переодеться, предстала перед экипажем в тропическом костюме, расшитом цветными нитями.

Парня в дымчатых очках звали Гильермо Падрон. Он бывал в Союзе, оказался выпускником астраханского института, отлично говорил по-русски. Тонкое лицо и горделивая манера держать голову выдавали в нём потомка конкистадоров. В светлых котоновых брюках, в рубашке с коротким рукавом Гильермо выглядел типичным представителем молодой кубинской интеллигенции.

Девушку-тростинку совсем засмущали открытые взгляды рыбаков. К такой большой, сугубо мужской компании она, видать, не привыкла. А тут ещё этот настырный взгляд боцмана Андрея, сидевшего прямо перед ней, благоухая дорогим одеколоном. Мария Фриас была мулаткой, чересчур эмоциональной и впечатлительной. Молодая статная женщина, не дожидаясь, пока её представят, встала и сама назвала свое имя: «Антуанетта Эстела де Леон». Тут она сделала паузу, скорей всего, означавшую, что в ином месте и при других обстоятельствах она называет себя более полным именем, как это принято у кубинцев.

Сергей Казбеков в свое время перечитал всего Майн Рида. И теперь Антуанетта почему-то представилась ему одной из героинь романов этого американского писателя. Он вдруг решил, что она креолка. Её нежная смуглая кожа, безупречная фигура, лёгкая походка произвели на него сильное впечатление. Антуанетта со своими данными могла позировать для ярких туристических проспектов или журнала мод на фоне пальм и золотого океанского побережья.

Потому и третий штурман Костя Лихонос, сидевший рядом с радистом, многозначительно толкнул его коленом, кивая на Антуанетту. Отчаянный волокита, с чёрными щегольскими усиками и нагловатым взглядом Константин идеально подошёл бы для съёмок фильма о гусарах. Минуты две, ни разу не моргнув, Лихонос просвечивал своими голубыми глазами эту куколку. Но Антуанетта де Леон не принимала сигналов, упорно глядя почему-то в другую сторону – на акустика Васильича, который заелозил на стуле, чувствуя к себе внимание. У Кости Лихоносова первая неудача вызвала лёгкую досаду. Он не привык к женскому равнодушию в отношении своей персоны. К тому же близилось начало его вахты, и подойти сразу после собрания к этой красотке не удастся.

Затем выступил капитан траулера Рыженьков. «КЭп» был удивительно спокойным мужиком, давно занимался аутотренингом и вывести себя из равновесия никому не позволял. Даже когда он молотил по часу в своей каюте большую боксёрскую грушу, лицо его оставалось спокойным, как на концерте классической музыки. В своей речи он сообщил, что кубинские товарищи получают на судне все условия для труда и отдыха, а дверь в его каюту для них открыта в любое время суток. На что сеньора Мар Хуарес одобрительно кивнула головой.

После обеда народ рванул в город в увольнение. Купить в Гаване что-либо существенное было проблематично. Разве что настоящее кубинское сомбреро из пальмовых волокон за одно песо. Даже пиво отпускалось на Кубе, как шутили между собой рыбаки, только членам профсоюза. Единственное, на что можно было поглазеть на улицах Гаваны за бесплатно, так это на хорошеньких женщин. Акустик Васильич решил сходить в гости на соседние пароходы, которые стояли в порту в два корпуса. Через полчаса он прибежал с круглыми глазами: «Мужики! Был на кормовичке СРТМ «Ноглики», так их радист Стас Рассолов ночью принял радиограмму с траулера-тунцелова «Вяндра». Они в Мексиканском заливе, только что за один замет невода-кошелька взяли 50 тонн тунца». Благая весть акустика Васильича, полученная им лично от начальника радиостанции Рассолова, мигом разнеслась по портовой округе.

А дело было как раз за день до праздника Дня штурма казармы Монкада – 26 июля. Традиционно в день праздника в городской офисине проводилось собрание. Замполит офисины, как всегда, соловьём с трибуны произнёс свою проповедь: да здравствует советско-кубинская дружба, скоро придеё окончательная победа социализма. Случилась очередная трудовая победа – экипаж траулера «Вяндра» за один замет выловил 50 тонн тунца. Естественно, в зале гром аплодисментов, крики «Молодцы!» и прочие проявления энтузиазма.

К ночи из промыслового района вернулся триумфатор «Вяндра» и ошвартовался на другой стороне пирса напротив «Альтаира». Народ ломанулся туда с поздравлениями: «Ну, вы, ребята, молодец, дали стране тунца! Надо ж как вам повезло!». А те ни в зуб ногой; не могут понять, о чём идёт речь. Когда им рассказали подробнее об их трудовых успехах и заочном чествовании передовика на собрании, «вяндровцы» попадали со смеху. Оказалось, что у них в трюме за весь выход в море набралось не более 500 килограммов тунца. Полный прогар. Только тогда все поняли, что не учли во всей этой истории главного фактора: Стас Рассолов свою фамилию полностью оправдывал, – бухарь был ещё тот, не просыхал сутками. На водолазной станции постоянно «ченчевал» у кубинцев спирт на мыло и зубную пасту. Вот и перепутал с перепоя цифры в азбуке Морзе, когда слушал эфир, в котором шла речь о траулере «Вяндра».

Кубинские научники потом ещё долго посмеивались над легковерными членами экипажа и классическим «рыбаком» Рассоловым, которому померещился такой рекордный улов. Вечером того же дня СРТМ «Альтаир» вышел в рейс. Его курс пролёт через Карибское море в открытую часть океана. Пошли гидрологические станции, промеры глубин, траления. В такие периоды научной группы работы хватает по горло.

У Константина Лихоносова вахта начиналась в восемь часов вечера, а заканчивалась в ноль часов. Наверное, ещё на кораблях Колумба третьи штурманы прозвали эту вахту «прощай молодость». В самое благоприятное время младшему помощнику капитана приходится торчать в рубке. А тем временем в салоне команды крутят фильмы, идут сражения в «шеш-беш». А в промежутке между этими мероприятиями ведётся травля о том, что было и чего не было. Тем более сейчас, когда поговорить есть о чем: как-никак три женщины появились в экипаже. Для судов типа «СРТМ» это вообще редкостное дело. Такое могло раньше только присниться.

Уже с начала рейса Костя Лихоносов постоянно зазывал к себе на верхний мостик радиста Сергея Казбекова. А если учесть, что на руле у третьего штурмана стоял матрос Коля Парамонов, сорокалетний балагур и весельчак, с огромной лысиной, то втроём вахту нести оказывалось легче. Со временем Казбеков сам, не дожидаясь приглашения, привык навещать по вечерам в рубку, чтобы убить время. Игру в «шеш-беш» он считал идиотской, фильмы, взятые в кинопрокате на берегу, все уже давно просмотрел. А тут во время вахты третьего штурмана у них образовался своего рода клуб «С кем, когда и где».

Разговоры шли обо всём на свете. Встреча начиналась со взаимных подначек. Закрывая за собой дверь на верхний мостик, Казбеков неизменно говорил: «Привет, корнет». Третий штурман парировал: «Салют, «морковка», – на свой лад переиначивая слово «маркони». Это считалось в порядке вещей – постоянно подкалывать друг друга. Коля Парамонов, стоя на руле, только посмеивался, выполняя роль секунданта в этой словесной дуэли. Правда, вскоре огонь перемещался на него. Зачастую ориентиром служила его лысина, светившая, словно луна, в тёмной ходовой рубке. В конце концов, разговор входил в своё обычное русло – о женщинах.

В этот вечер судно, выйдя из Гаваны, шло мимо небольших островков с вечно зелёными за-

рослями, чистыми лагунами, обрамлёнными песчаными отмелями. Каждый такой островок казался райским уголком. Коля Парамонов замечтал: «Эх-ма, была бы денег тьма, да забраться на такой островок, пожить в своё удовольствие». Казбеков засмеялся: «Но не в одиночку же?». Коля категорически заявил: «Нет, надо отдохнуть от этих баб. Мне моя «кобра» даже во сне покоя не дает. Представляете, вчера приснилась в форме милиционера. Будто привели меня к ней на допрос, и она, наставив мне в глаза яркую лампу, стала выпытывать, куда я заначку спрятал с последнего рейса. Хотела уже применять особую пытку – за пятку щекотать. Пришлось расколоться. Проснулся в холодном поту».

Казбеков усмехнулся, зная, что Коля за глаза называет жену «коброй», а в радиogramмах на берегу нежно сюсюкает: «Дорогая, несравненная лапушка...» В разговор вступил третий штурман: «Не дадут тебе, Коля, здесь одному пожить. Местные аборигенши любят всё, что блестит, а уж твою лысину за десять миль можно запеленговать. Так что женский пол к тебе толпой повалит».

«Да, – согласился Коля Парамонов, погладив голову, – с этим никуда не скроешься. Вот был случай. Моя «кобра» ушла на работу в вечернюю смену, а я с соседом – ну, помните рефмеханика Шуева – в кабак «Атлантика» зашли. Ему как раз медаль «За трудовую доблесть» вручили, как же не отметить такое дело. Ну, взяли столик, за которым две дамы сидели, очень даже такие коммуни-кабельные. Познакомились, слово за слово, фужеры по такому случаю наполнили. Вдруг сосед меня толкает, мол, оглянись. И что я вижу, мать честная; моя «кобра» через весь зал к нам летит, зонтом машет... Шла, говорит, с работы мимо ресторана, гляжу, говорит – что-то знакомое между штор просвечивает. Ну, говорит, лысый ты келдыш, расстанешься ты у меня с партбилетом».

Дружный хохот прервался стуком двери. Неожиданно для всех в рубку вошла Антуанетта Эстела де Леон. Константин Лихонос, как вахтенный штурман, сделал строгое лицо и первым нарушил паузу: «Вообще-то, мадам, посторонним лицам вход на капитанский мостик запрещён». «А я получила разрешение у капитана», – дружелюбно ответила гостья.

Она разговаривала по-русски с лёгким акцентом, словно родилась на Кавказе. Лихонос, сменив тон, пробурчал: «Хорошо, сеньора, сделаем для Вас первое исключение».

Антуанетта прошла в темноту к правому иллюминатору и притихла в углу, как ночная экзотичная птица. Радист Сергей Казбеков только почувствовал, как мимо него проплыло пряное облако. Его мгновенно охватило смутное волнение, захотелось пройти в угол, куда прошла Антуанетта, и ещё раз вдохнуть этот пьянящий аромат здоровой женской кожи.

Третий штурман в это время удалился за перегородку. Там, в штурманской, у него имелся большой стол с морскими картами. Вскоре раздался его голос: «Серёга, зайди, а то не разберусь в твоих «навипах». Перед ним в самом деле лежали длинные листы со свежими «навипами», полученными по телетайпу. В этих навигационных предупреждениях все суда оповещались о закрытых районах артиллерийских стрельб кораблей США, учений подводных лодок. Но с ними Костя, конечно, давно разобрался. Его волновал другой вопрос: «Не знаешь, зачем она пожаловала?» Сергей пожал плечами: «Без понятия, хотя догадываюсь. У нас только один красавец-мужчина на судне. Так что это, наверное, к тебе». Константин довольный заулыбался, но затем, поняв иронию, чертыхнулся: «Ну, и язва же ты, «морковка». Он для виду повозился в своей боковушке и вышел, дымя сигаретой. Казбеков громко объявил: «Сеньора Антуанетта, позвольте рекомендовать – Константин Лихонос, штурман по призванию, гусар по натуре, знаток женских душ».

На мостике наступила полная темнота, только в центре красным огоньком мерцала сигарета в том месте, где стоял Лихонос. «А кто меня угостит сигаретой?», – с неожиданной простотой подала голос Антуанетта. При этом огонёк сигареты у третьего штурмана резко вспыхнул, словно лампочка, в цепи которой скакнуло напряжение. Он страшно не любил одалживать сигареты. Но тут после некоторого раздумья поступил своим правилом. Через минуту рядом с первым появился второй мерцающий огонёк. «А я знаю песню про моряка Константина из Одессы», – вновь нарушила молчание Антуанетта. Красиво растягивая слова, она стала рассказывать о своих студенческих годах в Астрахани.

Стоя рядом, Казбеков никак не мог избавиться от волнующего аромата, блуждавшего по рубке. Сейчас в темноте он не видел лица этой женщины, но оно представлялось ему необычайно красивым и притягательным. Кнехтом бесчувственным он себя не считал, даже писал стихи, замешанные на эротической грусти по берегу. В свои двадцать пять лет он уже порастерял часть романтического

начала в характере, но всё ещё верил в светлые миги бытия. Ему, например, претила ругань в несколько этажей, когда кто-то в салоне мог выдать фразу из десяти слов, из которых только три можно найти в словаре, а остальные семь вызывали ощущения от лягушек, подкинутых вам в постель.

Особо этим грешил Костя Лихоносов, из-за чего между ними и не было по-настоящему дружеских отношений. Третий помощник оправдывался тем, что у него от рождения слишком развита говорильная железа, и что теперь поздно обращаться к логопеду. Не нравилось Сергею Казбекову в Лихоносове и то качество, которое называют «донжуанством». По его рассказам, женщины перед ним так и падают, и проблема у него одна – какую выбрать.

Хоть и коробило Сергея от этих сказок о «тысяче и одной ночи» Лихоносова, но отказаться от своеобразного мальчишника на верхнем мостике он не мог. Потому и появилась самооправдательная мысль: «Мужик, в конце концов, ты, или – не мужик?» Действительно, не век же новеньким корабликом по морю жизни плавать, соль-то на бортах рано или поздно появится, ржавчина разводами когда-нибудь пойдет.

Казбеков решил действовать:

– Антуанетта, а как по-вашему «море»?

– Мар, – донеслось из темноты рубки.

– А «звезда»?

– Эстреджа, – охотно отвечала Антуанетта.

Сергею вдруг показалось, что её ответы имели какой-то особый оттенок, будто она давно ждала его вопросов. Антуанетта неожиданно предложила: «Амигос, если хотите, я могу вести на судне кружок испанского языка?». То, что «амигос» по-русски значит «друзья-товарищи» каждый из присутствующих догадался. Значит, кубинка не прочь законтрачить с кем-нибудь из них. К тому же сама пришла, никто её не звал. Однако предложение госты в планы Сергея не входило. У него в голове уже сложилась другая схема: он попросит Антуанетту давать ему индивидуальные уроки испанского. В голове закружились идиллические картины: они по вечерам сидят вдвоем на диванчике в радиорубке, она – доброжелательный учитель, он – послушный ученик. Будет не рейс, а круиз с эппи эндом.

Но тут в разговор встрял Лихоносов: «Антуанетта, я записываюсь первым, прошу учесть на будущее». Он тихонько спросил у неё: «А как по-испански – «лысый»? «Кальвито», – удивлённо ответила шёпотом кубинка. Лихоносов неожиданно громко затянул: «Каль-ви-то...» Коля Парамонов, почувствовав что-то неладное, угрожающе захмыкал и, в свою очередь, поинтересовался: «Ну-ка, и мне переведите». «О, это будет по-русски «Луна», – едва сдерживая смех, пояснила Антуанетта. Чувствовалось, она вот-вот расхохочется, поэтому, не желая обидеть Колю Парамонова с его лысиной, девушка вышла на крыло капитанского мостика.

Сергей Казбеков последовал за ней. Стоял полный штиль, и траулер, чуть покачиваясь с борта на борт, словно летел в ночном пространстве. Будто золотые кленовые листья, парили над океаном крупные южные звезды. Сбоку от судна светилась узкая дорожка от соприкосновения корабельного корпуса с фосфоресцирующими морскими микроорганизмами... Сергей восхищённо произнес: «Хорошо...» Антуанетта ответила: «Си...». Сергей знал, что это слово «Да».

Но тут на крыло мостика выскочил Лихоносов и с противной улыбочкой сказал: «Граждане, хватит отрываться от коллектива, а то от избытка чувств можно упасть в океан. Не хватало ещё, чтобы на моей вахте пришлось давать команду «Два человека за бортом».

Вернувшись в рубку, Казбеков почувствовал лёгкую неприязнь к этому ловеласу. Ясно, что этот отец семейства – пошляк и прохиндей. К тому же нахал, каких свет не видывал. На отходе в рейс Лихоносов заметил, как Казбеков принёс со склада три литра спирта-ректификата для протирки контактов в радиоаппаратуре. После выхода в море он не отстал от радиста, пока банка полностью не опустела. И вот в отношении Антуанетты он проявляет себя таким, каков есть.

Очередной лихоносовский вопрос к гостье был, конечно, ни к селу, ни к городу: «А какой на Кубе самый любимый напиток?» Антуанетта с готовностью ответила: «О, это прохладительный коктейль «Мохито». В его состав входят ром, лимонный сок, миндальная вода и, травка, которая у вас в России тоже растёт. Как же она называется по-русски?.. А, вспомнила: у вас это мята...»

Дальше почему-то разговор не клеился. Антуанетта попрощалась: «До завтра, амигос, не опаздывайте на первый урок». Сергей хотел было проводить её, но вовремя опомнился, что они не в

городском парке, а на небольшом судне, где женщине идти до своей каюты пять метров. Константин молча покручивал свой чёрный ус, словно обдумывая какую-то сверхважную проблему. Сергей впотьмах нашёл дверь и буркнул: «Ладно, отцы-командиры, бай-бай». Он прошёлся по коридорам судна, но не встретил ни одной живой души, – дело шло к полуночи. Дверь в каюту Антуанетты была плотно закрыта, и, остановившись на миг около неё, Сергей ощутил знакомый аромат женских духов.

Ночью ему приснился сон... Он идёт по выложенному мрамором бульвару в центре Гаваны, по тому самому, где хаживал когда-то Маяковский. Вокруг роскошные здания в староиспанском стиле, особняки с узорчатыми балконными решётками. Идёт Казбеков, вроде, по делу: ищет парфюмерный магазин, в котором продаются духи Антуанетты. Несколько магазинов обошёл, но нет такого аромата – большая, оказывается, редкость. И вдруг повеяло этим самым ароматом, который он выделил бы из тысячи других. Сергей огляделся по сторонам и увидел знакомую фигурку, выходящую из арабского дворика, обнесённого зелёной галереей. Она – Антуанетта!.. На ней было красное шёлковое платье со сборками и купонами. Она без тёмных очков, синеглазая, с распущенными волосами, будто диковинная тропическая бабочка порхает над улицей.

И Антуанетта, узнав Сергея, заспешила ему навстречу, цокая каблукчиками. Он даже засомневался: к нему ли она так стремительно приближается. Сергей оглянулся для верности – нет ли за спиной третьего штурмана Константина Лихоносова. Может, к этому доморощенному дон-жуану прекрасным мотыльком, как на свет лампы, торопится Антуанетта. Да нет же; вокруг, кроме него и этой женщины, ни души. Это к нему с такой радостью бежит эта красавица-креолка. Сергей поймал её ладони, прохладные, как листья кокосовой пальмы, ощутил вблизи её губы, нежные, словно лепестки жасмина. Без слов, поняв друг друга, они пошли вдвоём по гладкому мрамору бульвара к морю. Такого синего моря Сергей никогда не видел. Правы, оказывается, космонавты, зафиксировавшие, что самое чистое море – у берегов Кубы. А увидев глаза Антуанетты, он поразился ещё больше: это две огромные капли из голубой океанской чаши. То ли море глядело на Казбекова, то ли Антуанетта Эстела де Леон, оказавшаяся кровной дочерью этой чудной природы.

Они сошли на жёлтый песок к самой кромке голубого зеркала Атлантики. На многие километры пляж был пуст и чист. В следующий миг у Сергея перехватило дыхание: Антуанетта вдруг скинула платье из красного шёлка с купонами, оставшись в купальнике чересчур смелого фасона. Сердце у Казбекова застучало с утроенной энергией, но только он сделал шаг к Антуанетте, как её смуглое тело, словно сигаретный дымок, ускользнуло в сторону, стремительно удалилось к морю, исчезло в голубой бездне. Сергей рванулся вдогонку, но навстречу ему хлынуло огромное водяное облако с радугой в центре...

Когда Сергей Казбеков открыл глаза, то увидел перед собой акустика Васильича, который занимал в каюте, согласно возрасту, нижнюю корабельную койку. Он стоял, по пояс обнажённый, в своих домотканых идиотских шортах и брызгал с мокрых рук прямо на Сергея: «Подъём! Пора на завтрак». Васильич по армейской привычке вставал чуть свет и считал своим долгом будить соседа. Сергей, ощущая капли воды на ресницах, крутил головой и не мог понять, а где же Антуанетта? Наконец, проснувшись, понял всю суровую реальность жизни. «Ну, Васильич! – завертелось у него в голове. – Чёрт бы побрал тебя со своей заботой. Такой сон обкарнать...»

«Какого рожна этот экс-авиатор Васильич попёрся в море? – продолжал размышлять Казбеков. – Пять месяцев болтаться в океане, вместо того, чтобы собирать грибки, копать на даче, встречать праздники, как положено, за накрытым столом. Пенсия – двести рэ, дети обеспечены – не романтики же ему захотелось на шестом десятке?»

Формально акустик Васильич был у Сергея в подчинении; как-никак Казбеков числился начальником радиостанции. Но командовать человеком, который старше тебя в два раза, Сергей не стремился. Иногда между ними возникали трения скорее по вопросам жизни, нежели службы. У Васильича была страсть давать советы, хотя сам он то и дело оказывался объектом шуток и приколов.

На днях его опять провели, как лоха. Когда Васильич рано утром вышел на свою традиционную физзарядку, то увидел, как Лихоносов, нёсший утреннюю вахту, командует у шлюпки матросом Парамоновым: «Давай, Никола, побыстрее, а то время упустим, самая пора их тёпленькими брать». Васильич сразу наострил уши; мол, куда это вы спозаранку, хлопцы, собрались, да ещё на шлюпке? Константин Лихоносов с самым серьёзным видом пояснил ему: «Видишь, Васильич, островок

по левому борту? Только что получили по радио приказ отловить пяток обезьян для московского зоопарка за валюту». Васильич забыл про утреннюю зарядку: «Нет, мужики, серьёзно? Так у меня сейчас время свободное, давайте пособлю». Третий штурман покрутил ус и нехотя согласился: «Мне-то что; чем больше народу, тем быстрее возьмем макак, пока они сонные. Только без разрешения капитана, сам понимаешь, не могу взять. Случись что, ведь мне отвечать. У тебя же только первый рейс, опыта нет, в джунглях ты не бывал».

Васильич поспешил в капитанскую каюту, хотя все на судне знали, что у командира в это время самый сладкий сон, потому что он всегда поднимался поздно. А тут акустик ворвался в каюту, тормошит за плечо и толкует про какой-то остров и обезьян. Раза три бедному Васильичу пришлось повторить суть дела, пока капитан с трудом вник в смысл просьбы. Долгое время в капитанской каюте стояла тишина, обрубленная затем диким гоготом, какого никто никогда от судового единичника не слышал. Что сказал капитан Васильичу, вдоволь нахохотавшись, осталось тайной, только на другой день по судну объявили приказ с очередным «выговорёшником» третьему помощнику Лихоносову.

Вспомнив этот случай, Сергей уже не сердился на акустика, и, умываясь, с удовольствием восстанавливал утренний сон в ясной голове. «Да, кстати, Васильич, не хочешь заняться испанским языком? Ты же хохол; помнишь, как в твоей любимой «Гренаде» поётся: «Откуда у хлопца испанская грусть?» «Давно ль по-испански вы начали петь? Не иначе, как эта вертихвостка придумала? – отозвался акустик. – Я так и знал, что добра от женщин на судне не будет. Что-то вдруг всех в экипаже потянуло на учебу? От тебя пятого об этом уже слышу».

«Ого, – подумал Казбеков, – быстро разошлась информация по коридорам за ночь».

«Да брось ты, Васильич, перестраховываться, – продолжил вслух. – Лови момент. Научишься балакать по-испански».

«Смотри, Серёга, научит вас эта учителька тому, чему не надобно...», – проворчал Васильич. Он почему-то невзлюбил из кубинцев именно Антуанетту. Да и к другим гостям из Гаваны относился настороженно. «Дружба – дружбой, а табачок – врозь», – любил повторять старую истину военный пенсионер.

После полдника в салоне команды собрались все желающие овладеть испанским языком. Первым, как и следовало ожидать, пришел третий штурман Лихоносов и уже о чём-то оживлённо беседовал с Антуанеттой. Явился даже матрос Коля Парамонов, одетый по-парадному, а лысина придавала ему вид научного сотрудника. Боцман Андрей успел раздобыть где-то кусок линолеума и булыжник синеватого мела. Казбеков сел подальше от Лихоносова, отчего тот удивлённо посмотрел на Сергея.

Урок Антуанетта вела в шортах и в ковбойке. Сначала она решила начать с рассказа о Гаване. И напонила слова Христофора Колумба, первого европейца, высадившегося со своим экипажем на острове Куба более 500 лет назад. «Это самая прекрасная земля, какую видели глаза человеческие», – будто бы сказал он тогда. Долгое время Гавана была излюбленной приманкой разного рода корсаров, пиратов и морских флибустьеров.

Здесь встречались парусные флотилии, нагруженные различными ценностями для отправки в Испанию. Постоянный приток иммигрантов и искателей приключений, некоторые из которых селились здесь навсегда, обеспечил непрерывный рост города. «Прекрасная Гавана – La Habana», – так, по словам Антуанетты, сейчас называют кубинцы свою столицу.

«А ещё, – подчеркнула Антуанетта, – жители Гаваны – гостеприимные хозяева этого удивительного мира. Они любят музыку и праздники, застолье и общение...»

После краткой лекции о Гаване Антуанетта приступила к первому уроку испанского языка. Её круглые коленки, словно налитые антоновские яблоки, смущали, видимо, не только Сергея. Он автоматически слушал её пояснения, повторяя вслед за всеми буквы испанского алфавита. Но в то же время перед его глазами то и дело являлась картина из сновидения: Антуанетта в красном и широком, как парус, платье. Вот шёлковое полотно скользнуло на золотой песок, вот смуглая тень метнулась в голубую пелену тёплых океанских волн... Казбекову казалось, что стоит Антуанетте снять свои тёмные очки, и он увидит те прекрасные синие глаза – огромные капли. Сергей попробовал загипнотизировать учительницу Антуанетту, но она одинаково безразлично смотрела на всех. У Сергея мелькнула идея; а что, если попросить у неё факультативные занятия? Так сказать, визави.

Как раз она объявила, что на первый раз хватит, урок окончен. Сергей решительно двинул в её сторону. Но его опередил Лихоносов. Его, видите ли, заинтересовало, как перевести на испанский слово «любовь». Но что поразило Казбекова, так это та готовность, с которой Антуанетта отвечала на приставания третьего помощника. Сергей на полуслове перебил Лихоносова с первым, что пришло в голову: «Антуанетта, а какая твоя любимая песня? Может, мы разучим её, а на следующем уроке споём хором»? Кубинка заулыбалась и томно ответила: «Беса ме мучо». На русском это звучит примерно так: «Целуй меня, целуй же меня ещё и ещё, ведь это наша последняя ночь...» Её губы затрепетали, и она пояснила: «Только такую песню нельзя петь хором. Она предназначена для двоих...»

За месяц занятий многие уже могли объясниться по простой тематике: как пройти на пляж, сколько это стоит, ты свободна сегодня вечером? Правда, скоро ряды учеников поредели за счет тех, кто хотел обучиться языку за неделю. В конце концов, пришлось перенести уроки испанского на верхний мостик в часы вахты третьего штурмана, ведь учеников осталось лишь двое – Казбеков и Лихоносов. На этих «занятиях» Сергею не раз пришлось сидеть рядом с Антуанеттой на единственном откидном стульчике, имевшемся в рулевой рубке. Занятия проходили в абсолютной темноте. Здесь Сергей Казбеков получил преимущество, так как вахтенному штурману Лихоносову сидеть не полагалось по уставу. Хотя этот нахал так и норовил подсесть к Антуанетте с другого боку, чем вызывал у неё звонкий смех.

В такие минуты Сергею приходилось нелегко. Он боялся лишний раз шевельнуться, чтобы не потревожить Антуанетту, сидевшую вплотную к нему, а иногда, как ему казалось, умело лгнувшую к его телу. Хотя, может быть, она просто старалась удержать равновесие на узкой скамейке. От неё всегда исходил всё тот же волнующий запах тонких духов, тот самый, что привёл его к ней в том сновидении... Вспоминался тот нереальный пляж, её глаза, синие и таинственные...

Однажды Сергей всё-таки упросил Антуанетту спеть её любимую песню. Она долго отнекивалась, потом согласилась. Сигнальные лампочки в тёмной рубке горели зелёными кошачьими глазами. Две сигареты, которые курили Лихоносов и Антуанетта, тлели двумя багряными светлячками. Почему-то они вдруг оказались рядом. Через иллюминаторы была видна дощатая палуба, освещённая яркими звёздами, вспыхивал искорками вдоль борта планктон в воде. Антуанетта пела тихим грудным голосом, который чуточку дрожал. Её слова были искренними и передавали её темперамент. Ей можно было поверить, что это она просит целовать её ещё и ещё, это у неё последняя ночь с любимым...

Через несколько дней Казбеков во время сеанса радиосвязи с Гаваной принял радиограмму для Антуанетты. Неизвестный, подписавшийся именем Хорхе, сообщил, что ей надо срочно вернуться домой, что заболел Ромито. Сергей интуитивно догадался, что речь идет о сыне Антуанетты. Она сама на уроке говорила, что все детские имена у кубинцев оканчиваются на суффикс «ито», придающий имени ласкательную уменьшительность.

Антуанетта благодарно и тревожно взглянула на Сергея, когда он принёс ей радиограмму. Как раз накануне у них была договоренность о занятиях в радиорубке вдвоём без Лихоносова. Теперь все планы перечёркивались, – надо возвращаться в порт.

Утром они подошли к причалу, пришвартовались. Кубинки разъехались по домам. После полудня Сергей заскочил в каюту, чтобы переодеться и сходить в город. Антуанетта дала ему свой адрес, пригласила зайти к ней в гости.

В каюте на диванчике за столом сидел Васильич и пил чай с вишнёвым вареньем, которым он запасся на весь рейс. Он сразу предложил: «Садись, Серёга, рядком, поговорим ладком». Казбеков отмахнулся: «Некогда, дед, надо проводить кубинцев, да и в город сходить». Акустик махнул рукой: «Брось ты, они и без тебя простятся, ты только помехой будешь».

– Кто они, о ком ты речь ведёшь?

– А то ты не в курсе? Да третий штурман с Антуанеттой, – усмехнулся Васильич. – Я же говорил, что от баб на корабле только сенсации. Антуанетту не я один запеленговал, как она от Лихоносова на зорьке из каюты выпархивала.

– Что? – чуть не задохнулся от слов акустика и смутных догадок, которые он раньше отбрасывал, Казбеков. – В твои-то годы, Васильич, такое языком молоть. Да тебе бы с бабками на лавочке семечки щёлкать, а не в море ходить.



– Ей-богу, Серёжка, ты, как святой. Все знают, только ты в неведении. А компания у вас одна была. Ничего; придём домой, там, кому положено по должности, разберутся в этой ситуации.

Сергей, оглушённый неприятной для него правдой, но в душе признавший себе, что он просто не хотел раньше замечать той реальности, о которой талдычит акустик, только и бросил: «Ладно, Васильич, дуй пока на блюдечко, после поговорим о международной обстановке...»

Он инстинктивно пошёл вверх по трапу в рулевую рубку, зачем-то понося в мыслях Васильича, словно тот виновен во всей этой истории. Да ещё и каким-то сексотством от него повеяло; мол, на берегу сделают выводы по этим урокам испанского. «Поделом тебе, Васильич», – подумал Казбеков, вспоминая недавний случай. Кто-то из матросов сыграл с акустиком злую шутку. Пока Васильич мылся в душевой, оставив в коридоре свои известные каждому в экипаже тапки грубого кроя, из чёртовой кожи, похожие на две тупоносые лодки, неизвестный юморист налил в каждый тапочек фиолетовых чернил. Акустик обнаружил «злодейство» только перед сном, когда Сергей спросил: «Ты что, аксакал, педикюр что ли сделал?» Васильич поохал, поворчал, даже посмеялся, но через минуту крепко спал, в меру похрапывая. Привык человек рано ложиться, с солнцем вставать.

На верхнем мостике Константин Лихоносов занимался делом: раскладывал морские карты по номерам, корректировал лоцию. У него был вид озабоченного человека. Невыплаченная кооперативная квартира, трое детей, жена-домохозяйка. Всем своим видом он показывал: кому-кому, а ему забот хватает. Вот, попробуй пропусти цифирку из «навипа», который ему накануне принёс Сергей, и судно может нарваться на район ракетных стрельб, проводимых американским флотом. Вот такой он важный человек – штурман Лихоносов. Они переглянулись. Казбеков понял, что бесполезно что-то ему высказывать, да и что он к нему имеет? Не будешь ведь выяснять у человека, который сейчас находится при исполнении служебных обязанностей, спал он с Антуанеттой или нет. Но Сергей всё-таки машинально задал свой вопрос: «Слушай, корнет, правда, что у тебя с ней что-то было?»

Лихоносов сделал каменное лицо: «А что кто-то у нас в ногах со свечкой стоял?» Казбеков только теперь понял, как он выглядит со стороны. Действительно, парень, у тебя бзик, наверное, произошёл? Ну, были у тебя в отношении Антуанетты туманные планы вперемешку с полуэротическими сновидениями, ну, чувствовал ты, сидя с ней на скамеечке в рулевой рубке вечерами, её гибкое, влекущее тело с темпераментной дрожью. А у Кости Лихоносова с ней сложились свои отношения, сугубо личные и натуральные, поэтому он и крутит свой щёгольский ус с полагающимся достоинством.

Казбеков понял, что надо быстрее уйти, хоть провалиться сквозь железную палубу, настолько глупо его положение. Но открылась дверь и вдруг вошла Антуанетта Эстелла де Леон. И Казбеков невольно остался; на него нахлынули совершенно иные чувства, словно нашло состояние гипноза. Он сморозил вдруг очередную глупость, ляпнув ни к селу ни к городу: «Антуанетта, спиши мне на память слова той песни на испанском, твоей любимой...». Она пожала плечами, взяла на столе у штурмана листок и карандаш, и через пару минут Казбеков получил текст песни «Беса ме мучо» на испанском, написанный её витиеватым почерком.

Константин Лихоносов продолжал заниматься с картами, словно его, кроме работы, в этот час ничто не интересовало. Что-то заставило Сергея оглянуться на Антуанетту. Он не поверил своим глазам. Она стояла в углу рубки возле иллюминатора и, словно шестнадцатилетняя девчонка, плакала, глотая слезы. Антуанетта сняла свои тёмные очки и старалась нежной ладошкой остановить бегущие из-под пушистых ресниц крупные слёзы. Она плакала беззвучно, как плачут, наверное, лесные косули. Она и показалась Казбекову этим красивым животным, которое обидел дикий, сильный зверь. Тот, к кому она пришла за последним поцелуем, хмурился и молчал, как усатый тюлень. Ему, судя по выражению лица, было не до сантиментов. Он выполнил свою программу, а телячьих нежностей Лихоносав не терпел. За весь рейс он послал жене только одну телеграмму, да и ту деловую – по квартирному взносу на кооператив.

Только сейчас Сергей Казбеков смог, наконец, увидеть настоящие глаза Антуанетты. Да, у неё действительно были большие голубые глаза. Но не эти глаза он ожидал увидеть. Оказывается, на самом деле у неё глаза сорокалетней женщины, несравнимые с теми, которые он обнаружил во сне. Те были голубыми и бездонными, как море у острова Куба, самое чистое и прозрачное на планете. «Боже мой! – изумился Казбеков. – Почему у неё такие усталые и грустные глаза, так много повидавшие в жизни, миллионы раз улыбавшиеся, миллионы раз плакавшие...»

Он вышел из рубки, оставив Антуанетту и Лихоносова наедине. В душе он жалел эту женщину, в которую ещё несколько часов назад был по уши влюблен. Антуанетта слишком хорошо сохранилась для своих лет, не утратила обаятельную эффектность, ведь ей на судне никто не давал больше тридцати. Но когда-то эти глаза были совсем другими, именно такими, какими их увидел Казбеков там, на пляже, в том цветном сне. Две огромные голубые капли, удивительно гармонизировавшие со светло-шоколадной кожей её тела. Не зря говорят, что голубые глаза встречаются чаще у непостоянных людей, хотя и многие кареглазые верностью не отличаются. И вообще за тёмными стеклами очков мы можем встретить совсем не то, что часто ожидаем. Ему подумалось, что тогда, в ту встречу во сне с Антуанеттой на пляже Варадеро, где песок отсвечивает латунным блеском, а море на горизонте сливается с ярким небом, ей очень бы пошел к голубым глазам и красному платью с купонами букет синих июльских васильков, которые в это время пронзительно зацвели на полях России...

Душа Казбекова заныла от постылой мысли о том, что прошла только половина рейса, что впереди два месяца в этой корабельной тесноте, в каюте с казённой койкой, в экипаже с одними и теми же лицами. Выйдя на палубу, он облокотился на ржавый борт: в акватории порта вода внизу была грязноватой, с нефтяными разводами, с остатками погибших водорослей. Вернувшись в каюту, Сергей Казбеков, забрался на второй этаж в свою койку и достал томик стихов Эдуарда Асадова. Эту книжку перед отходом ему подарила девушка Зося из Гродно. Они познакомились на танцах во Дворце культуры моряков в Калининграде. И он сразу выделил её из толпы танцующих по русым волосам, пышной волной покрывавшим плечи, по статной фигуре. И дальше всё его внимание в тот вечер было приковано только к ней. Сергей проводил Зосю до самого дома, не испугавшись в полночь пойти на окраину Калининграда в поселок Южный, пользовавшийся бандитской славой. Потом ему пришлось после полуночи топтать пешком в обратном направлении, но всё обошлось. То ли местная шпана в ту ночь рано легла спать, то ли ему просто повезло. А утром он ушёл в полугодовой рейс.

В книге Асадова у него хранились две цветные вырезки из журнала «Огонёк». На одной красовался Владимир Маяковский с сигаретой и симпатичным щенком на руках, на другой Юрий Гагарин в лётной форме держит в ладонях белого голубя. Каждый из этих снимков стал для Казбекова реликвией в полугодовых рейсах. И ещё между книжных страниц хранилась фотография Зоси, на которой она казалась настоящей артисткой. Фото было чёрно-белым, цвет глаз не различался, но Казбеков вспомнил, что обратил внимание в ту первую и единственную встречу на её серые глаза, идеальный овал лица. Он ничего о ней толком не знал, да и что можно было успеть за те пять часов, которые они виделись. Единственное, что хоть адрес успел записать и фотку выпросить. Послал он Зосе одно письмо, но ответа пока не было. К плавбазе из Калининграда давно не швартовались, хорошо, если через месяц придёт почта. Фотографию девушки Казбеков доставал часто, с каждым разом находя в ней что-то новое.

Неожиданно в каюту пулей влетел Васильич; всё-таки шустрым для своих лет оказался он ветераном военной службы. «Не дрейфь, Серёга, найдём мы тебе не красивую, но работающую. Что у нас там, на Родине, девок подходящих нет? Разве их сравнишь с кубинками? Сам же видишь; с ними надо ухо остро держать, – поднял палец к потолку акустик. – Того и гляди, влипнешь в какую-нибудь историю. Хоть и дружественная нам страна Куба, но наши женщины нам важнее. Патриотизм случайной любовью не заменишь».

«А что; может, и прав старый пень с акустическими мозгами?» – подумал Сергей, вкладывая опять в книгу между страниц, словно иконки, фотографии Маяковского, Гагарина и Зоси. Но всё равно Куба, – сделал для себя окончательный вывод начальник радиостанции Казбеков, – это прекрасная страна. Теперь из сердца её никакими силами никогда не выпроводишь...